

Е.Ю. Михайлик

**“МАЛЕНЬКАЯ И ТОЖЕ ПЯТИКОНЕЧНАЯ”:
из наблюдений над числовой символикой “Белой гвардии”**

Шагами измеряют пашни,
а саблей тело человеческое,
но вещи измеряют вилок.

Д. Хармс

“ВЕЛИК БЫЛ ГОД И СТРАШЕН год по рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй”¹.

У “Белой гвардии” два эпиграфа — из “Откровения Иоанна Богослова” и из “Капитанской дочки”. А в первой фразе романа появляются две системы отсчета времени. Церковно-славянский грамматический оборот (“по рождестве Христовом”) связывает первую с апокалиптическим “...и судимы были мертвые по написанному в книгах сообразно с делами своими” (Откр. 20:12), обозначая слияние бытового, линейного времени со временем сакральным. Рождество Христово в этой системе существует уже не только как реперная точка — на дворе 1918 год по рождестве Сына Божия, каковой потом и явится Елене Тальберг, “совершенно воскресший и благостный, и босой”.

Но, кроме того, это еще и второй год от начала революции. Этот маркер отсылает не столько непосредственно к большевистской практике, сколько к традициям французской революции, которую и большевики, и часть их противников считали своеобразным историческим “зеркалом” происходящего. Вторым годом республики был 1794-й, год не менее великий и страшный, нежели 1918-й.

К тому же историческому периоду относятся и события первого эпиграфа: “Пошел мелкий снег и вдруг повалил хлопьями. Ветер завыл; сделалась метель” (с. 179). Второй год по новому исчислению, таким образом, также оказывается смутным временем в буквальном смысле слова — одновременно российским и иностранным, сиюминутным и обваленным в прошлое. Но в лю-

бом случае — временем идеологическим, государственным, как бы в рифму ко церковному, священному времени первого эпиграфа.

Частного же времени, всецело отведенного для человеческого жилья, в “Белой гвардии” не существует, как не существует и полностью бытового пространства — даже печка в доме Турбиных, символ устойчивости и домашнего уюта, вовлечена в идеологический конфликт и является объектом ино- и самоцензуры. Время, дата, число обретают значение, отдельное от функции.

Эта ресемантизация числа и всего, связанного с ним, в контексте времени достаточно естественна. Можно вспомнить написанную в том же 1918 г. поэму “Двенадцать” Блока или “Доски судьбы” и “Зангези” Хлебникова — очень разные попытки освоения нового исторического пейзажа через число. В 1928 г. А.Ф. Лосев опубликует “Диалектику числа у Плотина”, апеллируя к античному пониманию числа — в частности, к его структурирующей и мирообразующей роли. К тому же времени относятся и работы Чижевского и Бехтерева. Индивидуальная, магическая значимость числа вновь осваивается культурой — и соответственно создает новые возможности для формирования значений.

У особого отношения к числу есть причины и бытового свойства. 14 февраля 1918 г. советская власть перешла на григорианскую систему. Реформа готовилась до переворота, но была экспроприрована большевиками вместе со всем прочим государственным имуществом, а в глазах населения стала одним из символов революции. Доселе безопасная территория календаря превратилась в зону идеологического конфликта — и это, как нам кажется, было одним из факторов, переместивших нумерологические штудии с периферии культуры в область быта — число, как и орфография, стало делом жизни и смерти².

Текст “Белой гвардии” перенасыщен цифрами, датами, номерами, подсчетом и перечислением однородных и разнородных объектов, повторами. “Черные часы ходят как тридцать лет назад: тонк-танк” (с. 184); “Дружина первая, пехотная, третий ее отдел. Формируется четвертый день, ввиду начинающих событий” (с. 184); “У Шервинского сверток — четыре бутылки белого вина, у Караса — две бутылки водки” (с. 206); “Петлюра. Петлюра. Петлюра. Петлюра. Пэтурра” (с. 239).

Если имеется при броневом дивизионе ценное имущество, казенная мотоциклетка, то с неизбежностью будет упомянут и ее номер — 8175. Если едет мифический полковник Торопец брать Город, то и его измызганный салон-вагон будет исчислен — 4173. При этом числовые значения присваиваются даже тем аспектам человеческой природы и деятельности, которые, казалось бы, по определению лишены счетной подосновы: “На лице Елены в три часа дня стрелки показывали самый низкий и угнетенный час жизни — половину шестого” (с. 333).

Собственно, число “5” в тексте романа и вовсе существует как чужое и враждебное: в доме Турбиных изначально — пятеро обитателей: Алексей, Николка, Елена, Аня и муж Елены — Тальберг, чужак, который бросит и жену, и дом, и убудет через Польшу в Германию с пятого пути; Шервинский утверждал, что “вместо fa взял la и держал его пять тактов” (с. 207); после взрыва “пять дней жил после этого город в ужасе” (с. 225), etc. В нейтральном контексте число “5” практически не употребляется. Что до положительного значения, то, кажется, единственным несомненным случаем является речь вахмистра Жилина во сне Турбина — “пять корпусов еще можно поставить и с запасными эскадронами, да что пять — десять!” (с. 235) Но, заметим, что покойный вахмистр описывает рай — место, куда попадают после смерти. Для живых простор тамошних казарм для павших на поле брани является, скорее, плохой новостью.

Здесь следует заметить, что зловещие качества пятерке присуши не только в “Белой гвардии”. В работе «Из наблюдений над мотивной структурой романа “Мастер и Маргарита” М. Булгакова» Борис Гаспаров пишет: «“5” — магическое число, и в этом качестве оно используется в структуре романа: в первой сцене упоминаются “доказательства бытия Божия, коих, как известно, существует ровно пять”; действие в Москве разворачивается в мае; в канун еврейской Пасхи — “ровно четырнадцатого числа” (снова “5” в сумме цифр) происходит действие в романе Мастера; в первый вечер Пасхи над Храмом Ершалаимским горят два гигантских пятисвечия (и в ту же ночь на субботу — ночь бала у Воланда — горят лампы в десяти кабинетах “в одном из московских учреждений”). Кстати, номер комнаты Мастера в

клинике — 118, что в сумме цифр дает “10”. Наконец, Пилат — пятый прокуратор Иудеи (он также представлен в романе в качестве “сына звездочета”»³.

Пятерка, впрочем, не единственное отмеченное число. События на Украине сгруппированы и описаны в соответствии с основной мифопоэтической константой — апокалиптической ли, сказочной ли. Началу бедствий предшествуют три знамения — взрыв армейских складов, убийство генерала Эйхгорна и неприличный взлет цен на молоко — люди, жившие во время социальных потрясений, согласятся, что последняя примета была самой верной. За знамениями последовали три события — освобождение из камеры номер 666 (число зверя, оно же число человеческое) некоего Семена Петлюры, которого, впрочем, называли “на французский несколько манер — Симон”, поражение Германии в войне и капитуляция Вильгельма. И три видения, предшествующие смерти, — мужицкий гнев, “повешенный за половые органы шинкарь-еврей” и Генрих Сенкевич, как и положено романтику, ядовито ухмыляющийся из облака над Варшавой. Ну а затем три человека — Петлюра, Торопец и Винниченко — появились вовремя “даже и в таком ничтожном месте, как Белая Церковь”, и три раза по три предсказанная волна двинулась на город⁴.

Дальше же последовали дела удивительные. Рассказчик, доселе сыпавший цифрами и знающий численность офицерских дружин с точностью не просто до человека, но до постороннего, примкнувшего по дороге: “И пришло на Печерск: четырнадцать офицеров, три юнкера, один студент, один кадет и один актер из театра миниатюр” (с. 288)⁵, как только речь заходит о петлюровцах, в лучшем случае осторожен — “и выезжал строй полковника Козыря сабелюк на четыреста” — или вовсе не указывает числа. Исчислены — на этот раз с точностью до лошади — разве что петлюровские потери. Да еще известно, что знаменитый подрядчик Яков Григорьевич Фельдман, на свою беду, встретил на Миллионной улице разъезд из пяти гайдамаков во главе с сотником. Представления самих жителей Киева об осаждающих смутны и размыты: “Пришел Петлюра, а у него миллион войска” (с. 319); “Ужас в том, что у Петлюры, как говорят, восемьсот

тысяч войска, отборного и лучшего. Нас обманули, послали на смерть...” (с. 320).

В принципе, такой разницей в данных характерен для времен гражданской войны, когда свои силы более или менее известны, а вот противник пребывает в густом тумане, время от времени возникая из него какими-то своими составляющими и тут же, по выражению Мышлаевского, “расточаясь куда-то к чертям” (с. 192).

Но если рассказчик фиксирует только то, что могли увидеть жители города, то после взятия Киева картина должна бы измениться. Ведь сумел же дотошный повествователь каким-то образом узнать номер телефона в заведении мадам Анжу, где располагался штаб мортирного дивизиона — а номер тот 212, и ни Турбину, ни даже Мышлаевскому его, естественно, никто не сообщал, — следовательно, мы можем заключить, что в городской черте взгляду рассказчика доступно все. Однако, оказавшись в поле зрения, гайдамаки так же не поддаются счету, как и во время осады, а описание петлюровской армии приобретает узнаваемо фольклорный характер: “То не серая туча со змеиным брюхом разливается по городу, то не бурые, мутные реки текут по старым улицам — то сила Петлюры несметная на площадь старой Софии идет на парад” (с. 386); “Несчитанной силой шли серые обшарпанные полки сечевых стрельцов” (с. 387). Что-то в самом характере этой силы противится исчислению.

И тут интересную возможность прочтения предоставляет уже заявленная апокалиптическая составляющая. Истолкование происходящего по “Откровению Иоанна Богослова”, известному также как “пятое Евангелие”, легитимировано не только эпиграфом романа, но и словами отца Александра, к которому обращается за утешением доктор Турбин:

«— Я последнее время все, знаете ли, за книжечками сижу, по специальности, конечно, больше все богословские...

Он приподнял книгу так, чтобы последний свет из окна упал на страницу, и прочитал:

— “Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод; и сделалась кровь”» (с. 182).

В этом контексте принципиальная неспособность рассказчика даже приблизительно определить количество петлюровских войск приобретает угрожающее значение, ибо 20-я глава Откровения содержит полный аналог описываемой Булгаковым ситуации: “Когда же окончится тысяча лет, сатана будет освобожден из темницы своей и выйдет обольщать народы, находящиеся на четырех углах земли, Гога и Магога, и собирать их на брань; число их как песок морской. И вышли на широту земли, и окружили стан святых и город возлюбленный” (Откр. 20:7,8).

Темнице, из которой был освобожден погубитель, у Булгакова дан “говорящий” номер 666 — это та самая камера городской тюрьмы, из которой по гетманскому приказу выпустили неопределимого и на всех похожего Петлюру; стан святых в романе присутствует буквально — крестом святого Владимира на Владимирской горке. И — как неоднократно отмечали все работавшие с текстом исследователи — Киев существует в тексте только в виде “Киевского спуска”. И рассказчик, и все персонажи называют место действия Городом и только Городом.

А было, по утверждению рассказчика, жития Петлюры в Городе 47 дней. Поскольку в реальности оно же жития насчитывалось не то 50, не то 53 дня — Киев пал 14 декабря, петлюровцы бросили позиции под городом в ночь на 3 февраля, а красные заняли Киев 5-го, то цифра 47 явно не случайна. 47 дней — столько стояли над землей воды потопа и столько же продолжался Великий пост. Для современников Булгакова оба значения были фоновым, бытовым знанием — их присутствие в тексте как бы подтверждало уже присвоенный Петлюре статус стихийного бедствия.

Однако Петлюра, изображенный в “Белой гвардии”, соотносится с апокалиптическим сатаной по масштабу примерно так же, как полковник Торопец и писатель Винниченко с апокалиптическими же зверем и лжепророком. Во сне Алексея Турбина, который рассказчик называет вещим, Петлюру и вовсе объявят несуществующим: “Турок, земгусар, Симон. Да не было его. Не было. Так, чепуха, легенда, мираж” (с. 231).

Реальность же, согласно голосу из сна (последний поразительно похож на голос самого рассказчика), выглядит совершен-

но иначе: “Было четыреста тысяч немцев, а вокруг них четырежды сорок раз четыреста тысяч мужиков с сердцами, горящими неутоленной злобой” (с. 230). Обе цифры носят мифологизированный характер — приведенная численность немцев опирается, скорее, на ходившие в Городе слухи, а население Украины, в 1913 г. достигавшее 40 миллионов, уж никак за годы первой мировой не могло подскочить до 64. Но такое противопоставление счетно-механистической иностранной силы и фольклорно-несчетной силы земли было и приметой времени (Блок написал в январе 1918 г.: “Мильоны вас — нас тьмы, и тьмы, и тьмы”), и обстоятельством литературно-философским.

В 1923 г. Булгаков заявлял: “Когда небесный гром (ведь и небесному терпению есть предел) убьет всех до единого современных писателей и явится лет через 50 новый, настоящий Лев Толстой, будет создана изумительная книга о великих боях в Киеве. Наживутся тогда книгоиздатели на грандиозном памятнике 1917—1920 годам” (с. 307).

Выбор автора, который, согласно Булгакову, должен бы описать великие бои в Киеве, нам представляется не случайным. Присутствие толстовского взгляда в “Белой гвардии” отмечали и современники (А. Лежнев, М. Волошин), и позднейшие исследователи романа. Я.С. Лурье писал: «Вслед за Толстым Булгаков понял, что перипетии войны не определялись личными свойствами тех государственных и военных деятелей, которые в них участвовали, — деятели эти воспринимались им теперь, употребляя выражение Толстого, лишь как “ярлыки” происходящих событий. Такими “ярлыками” оказались и гетман Скоропадский, и атаман Петлюра...» (с. 564).

Толстой, заметим, сам был не чужд вычислениям и в “Войне и мире” приводил разнообразные калькуляции, позволяющие соотнести между собой качество воюющих армий. “Дух войска — есть множитель на массу, дающий произведение силы”. Но куда интереснее следующий оборот, используемый Булгаковым для описания одного из роковых видений, предшествовавших падению Города — “мужичонкова гнева”: “в руках он нес великую дубину, без которой не обходится никакое начинание на Руси” (с. 237). Это безусловно позаимствованная из “Войны и мира”

великая толстовская дубина народной войны, которой не имеющие числа мужички, по выражению Мышлаевского, богоносцы достоевские, принялись гвоздить защитников стана святых и города возлюбленного.

При этом свойства толстовского Наполеона — “внешнего и фиктивного” источника активности человеческих масс — в “Белой гвардии” как бы переданы Петлюре. Недаром рассказчик подчеркивает, что имя Петлюры произносилось на французский манер, а доктор Турбин взывает к портрету Александра I на стене александровской же гимназии: “Разве ты, ты, Александр, спасешь Бородинскими полками гибнущий дом? Оживи, сведи их с полотна! Они побили бы Петлюру” (с. 264).

Отметим, что если в “Войне и мире” народ и “фиктивный и внешний” лидер противопоставлены друг другу, то в “Белой гвардии” они оказываются на одной стороне.

В этой точке толстовский пласт значений сростается с апокалиптическим — и, как ни странно, с революционным. В “Белой гвардии” Петлюра сопоставляется с Наполеоном не только косвенно, но и прямо: “Миф. Миф Петлюра. Его не было вовсе. Это миф, столь же замечательный, как миф о никогда не существовавшем Наполеоне, но гораздо менее красивый” (с. 238).

Миф о никогда не существовавшем Наполеоне берет начало в двух небольших книжках, изданных еще при жизни императора: работе французского физика и библиотекаря Жана-Батиста Переса “Почему Наполеона никогда не существовало”, напечатанной анонимно в Ажере в 1817 г., и брошюре архиепископа дублинского Ричарда Уотли “Исторические сомнения относительно Наполеона Бонапарта”, опубликованной в Лондоне в 1819 г.⁶ Оба автора, не стовариваясь, утверждали, что никакого императора Наполеона нет, не было и не может быть, а имело место всеобщее помрачение, основанное на солярном мифе. И впрямь, Наполеон — Аполлон, его мать Летиция — Латона, три сестры — три грации, братья — времена года, 12 активных маршалов — 12 месяцев, а причина гибели — зима. Эти построения настолько поразили читательское воображение, что сохранились в культуре как пример выдающегося исторического розыгрыша — ссылки на него можно встретить даже в современной прессе.

При этом за последние 70 лет из истории появления розыгрыша выпало одно звено. Перес и Уотли не случайно дружно выбрали объектом мифотворчества именно императора французов, а инструментом — солярный миф.

Обе книги были частью тогдашней научной полемики, броневой ответом на монументальную работу Шарля Дюпюи “Происхождение всех культов или всеобщая религия”. В четырехтомном труде, изданном как раз в 1794 г., в тот самый второй год Французской республики, Дюпюи — математик, астроном и философ, жирондист и, как и положено жирондисту, атеист — попытался продемонстрировать, что все религии являются аллегорическим описанием движений небесных светил, а Христос — очередным вариантом того самого солярного мифа, таким же как, например, Озирис. И приводил соответствующие расчеты и толкования. Император же Наполеон интересовался выкладками Дюпюи и Вольнея⁷ и, по слухам, сам склонялся к этой точке зрения — почему и попал в перекрестье прицела, тем более что его биография была практически идеальным материалом, на котором можно было продемонстрировать порочность астрономической методологии.

В России начала XX в. сведения эти в определенном кругу были фоновым знанием: в 1898 г. на книгу Ричарда Уотли походя ссылается Соловьев (в работе “Оправдание добра”); памфлет Переса — со всеми положенными объяснениями и прямыми ссылками на полемику с Дюпюи — был переведен и издан в Москве в 1912 г., к столетию Бородинской битвы⁸; уже после революции, в 1927 г., историю о защите Христа через отрицание Наполеона как общеизвестную упоминал Бердяев⁹.

Булгаков был без сомнения знаком с этой проблематикой, и она еще не раз всплывет в его текстах. Так, в первой главе “Мастера и Маргариты” “образованнейший” Берлиоз будет доказывать Иванушке Бездомному, что Христа никогда не было, ссылаясь на положения, впервые систематизированные Шарлем Дюпюи.

Итак, Петлюра “Белой гвардии” оказывается мифологической фигурой ровно в той же мере, что и исторический Наполеон. И парадоксальным образом само его физическое существо-

вание, как и существование Наполеона, оборачивается в данном контексте не более, не менее чем доказательством исторической реальности Христа.

Здесь возникает еще одна связка — Наполеона при жизни отождествляли не только с солярным мифом. Его по созвучию — *nomen est omen* — называли также Аполлионом: “Царем над собою она имела ангела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион” (Откр. 9:11). При этом следует отметить, что в России это отождествление носило совершенно официальный характер¹⁰: в 1806 г. Святейший синод публично обвинил Наполеона в намерении сделаться лжемессией, а император Александр повелел оное объявление зачитывать в церквях перед воскресной и праздничной литургиями. В 1812 г. профессор Дерптского университета Вильгельм Фридрих Гецель написал Барклаю-де-Толли, что по его данным число имени Наполеона есть не что иное, как число 666, и что, согласно “Откровению”, императору в 1812 г. предстоит падение. Срок падения определялся также по Апокалипсису, где было сказано, что власть зверю будет дана на 42 недели¹¹. Письмо Гецеля, как указывает Л.В. Мельникова¹², было размножено и распространено среди священников Первой Западной армии “для надлежащего употребления”.

Вторая часть утверждения, предсказание о падении, в общем и целом сбылась, однако первая, отделившись от государственной надобности, зажила собственной — в том числе и литературной жизнью: “Пророк пришел неизвестно откуда в лаптях и нагольном тулупе, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвестил, что Наполеон есть антихрист и держится на каменной цепи, за шестью стенами и семью морями, но после разорвет цепь и овладеет всем миром...” Впрочем, не только поверившие пророку купцы, но и люди образованные «видели в каждой букве, из которых было составлено слово “Наполеон”, какое-то особенное значение; многие даже открыли в нем апокалипсические цифры»¹³. (Обратим внимание на то, что числа и операции с ними и в этом тексте являются одной из ведущих черт мифа, по которой, собственно, читателю и положено миф опознать.)

Таким образом, в систему Петлюра—Антихрист—Наполеон добавляется новое действующее лицо — Чичиков. Поскольку именно этого господина неопределенной наружности обитатели города NN приняли за спущенного с цепи Наполеона. Во всяком случае слухи, ходящие в другом безымянном городе о Петлюре, до чрезвычайности похожи на слухи, ходившие о Чичикове.

В тексте “Белой гвардии” присутствует целый ряд отсылок к гоголевской прозе. Одна из них, рассуждение математического свойства, располагается сразу же перед призывом к тени Александра I возвратиться и разгромить Петлюру. «Ах, колесо, колесо. Все-то ты ехало из деревни “Б”, делая N оборотов, и вот приехало в каменную пустоту» (с. 254). Место назначения колеса, заметим, не упоминается. Оно возникает в романе за счет опознания цитаты: “Вишь ты, — сказал один другому, — вон какое колесо! что ты думаешь, доедет то колесо, если б случилось, в Москву или не доедет?” Именно поход на Москву и заявлен целью Петлюры в сцене парада. Впрочем, этому колесу не случилось доехать до Москвы — вышло иначе, Москва пришла к нему.

Гоголевский контекст не только характеризует самого Петлюру как явление мнимое и предсказуемо эфемерное — в отличие от толстовского, он куда менее уважителен к образу народа. Если Петлюра — в том числе и функциональный аналог Павла Ивановича Чичикова, чьи блистательные комбинации имели свойство с треском рушиться на стадии осуществления, то армия его, по всей вероятности, состоит из мертвых душ.

А единственным свидетельством того, что ни Петлюра, ни войско его не привиделось киевлянам, станет мертвое тело: “И только труп и свидетельствовал, что Пэтурра не миф, что он действительно был... Дзынь... Трень... гитара, турок... кованый на Бронной фонарь... девичьи косы, метущие снег, огнестрельные раны, звериный вой в ночи, мороз... Значит, было” (с. 422).

Можно сказать, что перед нами — многослойная ассоциативная система, ранний вариант той лейтмотивной, музыкальной формы организации текста, которая, по мнению Б. Гаспарова, присуща “Мастеру и Маргарите”. Одним из элементов, обеспечивающих связность текста, является сама идея значимого числа, нумерологического подхода — присутствие в тексте опозна-

ваемых, освоенных культурой числовых моделей изменяет мерность текста и позволяет читателю соотнести между собой разрозненные смысловые пласты.

Любопытно, что в финале романа Булгаков ставит под сомнение роль “Откровения Иоанна Богослова” как своеобразного ключа к происходящему. Поскольку именно эту, апокалиптическую, концепцию излагает доктору Турбину присланный к нему тем самым отцом Александром раскаявшийся Русаков. И повторяет цитату о “третьей части вод”. И называет Аполионом уже не Петлюру, а “красного Наполеона” Троцкого. И получает от доктора Турбина предписание пить бром — естественно — по три раза в день.

Возможно, это связано с тем, что бронепоезд уже стоит под Городом и у часового при нем на груди пятиконечная звезда, и отзываются ему с неба теплым живым огнем Марс и Венера — тоже пятиконечные¹⁴. Эта картина мира является по меньшей мере такой же цельной, как и возникающий в финале образ неба как царских врат. Что в некотором смысле неудивительно. М.О. Чудакова подробно описывает механизм “присвоения” советской властью красной звезды (ранее бывшей частью христианской рождественской символики) и, на наш взгляд, убедительно доказывает, что Булгаков вполне осознавал природу этого присвоения — и даже допустил в романе ряд подвижек, чтобы подчеркнуть смещенную и смешанную природу большевистской символики¹⁵. Недаром часовому в финале романа явится тот самый вахмистр Жилин, который до того рассказывал доктору Турбину про небесные хоромы для большевиков: “Потому оригинально: звезды красные, облака красные в цвет наших чакчир отливают...”

Для работы с этой новой, переосвоенной действительностью требовался, вероятно, иной инструментарий — ибо Апокалипсис все же был способом взаимодействия с катастрофой, но не с посткатастрофическим устройством мира, полагающим прибыть в Город в ночь на 3 февраля 1919 уже обыкновенного, но от того не менее страшного, года со стороны Дарницы.

- 1 Булгаков М. Собр. соч.: В 5 т. М., 1989. Т. 1. С. 179. Далее ссылки на издание даны в тексте.
- 2 Ведь невозможно позвать к постели раненого офицера врача, который пишет слово “кот” через і.
- 3 Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М., 1994. С. 41.
- 4 Подобным мифологическим образом в “Белой гвардии” организованы и сгруппированы не только сами события, но и пространство, в котором они происходят. М.О. Чудакова пишет о том, что в ранних текстах Булгакова, скажем, ночной зримый мир разделен на три слоя: «три источника света, поразному соотнесенных с человеком. Электрический... фонарь с его холодным светом, действующий “заодно” с морозом и враждебный человеку, неизменно выступает как безучастный свидетель (или материальный “пособник” убийства). Расположенные обычно ниже его в пространстве живые огни жилья... близкие человеку, обещают ему тепло и спасение (или напоминают о них). Наконец, звезды, к которым человек возводит взор, ища спасения, и значение которых зависит от характера веры и надежды, взирающего на них» (Чудакова М.О. Звезда Вифлеема и красная звезда у М. Булгакова // *Russies. L'Age D'Homme*. 1995. P. 315).
- 5 Любопытно, что персонажи, в отличие от рассказчика, могут путаться в цифрах — полковник Мальшев, например, в разговоре с Мышлаевским меняет местами количество юнкеров и студентов в дивизионе.
- 6 *Whately R.* Historical doubts relative to Napoleon Buonaparte. L., 1819.
- 7 Константен Франсуа Буажире, французский философ, публиковавшийся под псевдонимом *Вольней*. В работе “Руины или размышления о революциях империй” (1791) причислял Христа к астральным божествам. “Руины” переиздавались в СССР в 1930 г. в рамках общетеистической кампании и вполне могли, например, попасться на глаза Берлиозу.
- 8 *Перес Ж.-Б.* Почему Наполеона никогда не существовало, или Великая ошибка — источник бесконечного числа ошибок, которые следует отметить в истории XIX в. М., 1912.
- 9 Наука о религии и христианская апологетика // *Путь*. 1927. Январь. № 6. С. 50—68.
- 10 Единственной страной, кроме России, где такая пропаганда носила официальный характер, была Испания.
- 11 Толстой достаточно иронически описывает эти каббалистические исследования в третьем томе “Войны и мира”, сделав автором гипотезы безымянного масона — корреспондента Пьера Безухова.
- 12 *Мельникова Л.В.* Антинаполеоновская церковная проповедь в 1812 году // http://old.sgu.ru/users/project/1812_melnikova.html
- 13 *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 6. С. 532—533.
- 14 Любопытно, что в листовках 1918 г., предназначенных для красноармейцев, красная звезда называлась символом Правды. Отмеченные ею люди сража-

- лись против Кривды, чтобы правда воцарилась в мире (*Figes O., Kolonitskii B.* *Interpreting the Russian Revolution: The Language of Symbols of 1917.* New Haven; L., P. 151—152). Скорее всего, Булгаков был знаком с этими текстами.
- 15 Булгаков описывает не звезду образца зимы 1918 г. — со скругленными лучами-лепестками и изображениями плуга и молота, а звезду образца 1922 г., куда более похожую на рождественскую [Чудакова М.О. Антихристианская мифология советского времени (появление и закрепление в государственном и общественном быту пятиконечной звезды как символа нового мира) // *Випперовские чтения*. 1995: “Библия в культуре и искусстве”. М., 1996. Вып. XXVIII. С. 342].